

О себе

Моя краткая автобиография

Родители происходят из самых низших слоев населения Российской империи. Отец родился в 1896 г. в башкирском селе Кармаскалы. Его отец и мой дед — башкир, по профессии столяр, бабушка — татарка. Мать моя — еврейка из небольшого местечка Копысь Витебской губернии (сейчас часть Беларуси; см. ниже — ред.), родилась в 1904 г. Ее отец последние годы жизни работал в химической мастерской. Как рассказывал мне дядя Яков, старший брат матери, живший у нас на Б. Ордынке, бабушка будто бы сожительствовала с поляком, местным шляхтичем.

Мой отец в 1914 г. был призван в армию и участвовал в Первой мировой войне, а затем на стороне большевиков — в Гражданской войне. Вступил в партию большевиков в 1919 г. Мать после отмены черты оседлости смогла приехать в Петроград и поступить на исторический факультет университета. Отец же по окончании гражданской войны был направлен в тот же город на учебу — в Коммунистический университет им. Зиновьева. Мои будущие родители, как они мне рассказывали, познакомились на публичной лекции известного ученого физика-ядерщика академика А.Ф. Иоффе.

После окончания учебы отец получил назначение в отдел нацменьшинств Московского горкома партии, и молодая семья переехала в Москву. Мать стала преподавать историю и обществоведение в обычной школе и в ФЗУ, вступила в партию. Семья первые годы жила на Б. Ордынке, д. 17 в коммунальной квартире¹. Я родился в 1927 г., а моя младшая сестра — в 1932 г. В 1932 г. (или в 1933 г.) семья переехала в другую коммунальную квартиру на пл. Маяковского (ныне Триумфальная пл.).

¹ Этот дом известен тем, что в нем (уже после нашего переезда на другую квартиру) жило семейство Ардовых, у которых часто останавливалась и подолгу жила Анна Ахматова. — автор.

Как сложилась дальнейшая судьба моих родителей? Отец в Москве продолжил учебу, поступив в Институт красной профессуры, после окончания которого долгие годы преподавал политэкономия, в том числе на Курсах марксизма-ленинизма, впоследствии преобразованных в Академию общественных наук. В годы репрессий пострадал, но не сильно. Перед войной и во время войны работал в Совнаркоме, а после ее окончания и до выхода на пенсию — в министерстве путей сообщения. Умер в 1979 г. Мать работала учительницей, незадолго до начала войны стала директором школы во Фрунзенском районе (ныне Хамовники), во время войны была политруком эвакогоспиталя, а с 1943 г. и до выхода на пенсию — инструктором Отдела школ ЦК КПСС. Умерла в 1960 г.

Учился я в школе хорошо, увлекался математикой и — особенно — астрономией, одно время был членом кружка юных астрономов при московском планетарии. По окончании школы собирался поступать на отделение астрономии механико-математического факультета МГУ, но несколько моих одноклассников узнали, что в университете открылся новый факультет — международных отношений, и уговорили меня подать документы на этот факультет, вскоре преобразованный в МГИМО. В институте специализировался по Великобритании. Больше всего мне нравилась аналитическая, исследовательская работа, и я мечтал о поступлении в аспирантуру. Но меня распределили в МИД на практическую работу, причем перевели на совершенно новое для меня направление — ООН. И в Отделе по делам ООН и в наших представительствах при международных организациях проработал, как говорится, от звонка до звонка — 43 года — до выхода на пенсию. В 1986–87 гг. был первым заместителем постоянного представителя при ООН в ранге посла. Мой последний пост — в 1988–1992 гг. — постоянный представитель Советского Союза при международных организациях в Вене.

Должен сказать, что ничуть не жалею о том, что судьба занесла меня в МИД и в Отдел по делам ООН. Работа там научила меня смотреть на мир через призму многосторонней, а не двусторонней дипломатии и без лишней «дипломатической протокольности», помогла развивать аналитические способности. Но — главное — мне довелось в течение службы

в МИД, а потом и по выходу на пенсию заниматься глобальными международными проблемами, от решения которых во многом зависит будущее человечества: ограничение вооружений и разоружение, нераспространение ядерного и других видов оружия массового уничтожения, запрещение ядерных испытаний, ограничение и сокращение стратегических наступательных и оборонительных вооружений и др. Многолетние занятия этими проблемами способствовали выработке понимания того, что для их решения необходимо достижение как можно более широкого международного консенсуса. Принимал непосредственное участие в переговорах по разным аспектам разоружения, в том числе в выработке ДНЯО и системы гарантий МАГАТЭ.

Одновременно с работой в МИД по совместительству занимался научно-исследовательской и преподавательской деятельностью в МГИМО и ИМЭМО АН СССР. Защитил докторскую диссертацию (по теме контроля за разоружением) и получил звание профессора. Опубликовал несколько книг и множество статей по проблематике международной безопасности и разоружения.

После отставки (в 1992 г.) принял предложение стать приглашенным профессором Монтерейского института международных отношений в США. Помимо обычной лекционной и семинарской деятельности вел курсы по вопросам нераспространения ЯО для представителей бывших советских республик, где после распада СССР оставалось советское ядерное оружие (Украина, Белоруссия, Казахстан). Новые независимые государства согласились на вывод ЯО в Российскую Федерацию и присоединились к ДНЯО в конце 1994 г.

По возвращении на родину в 1995 г. принял участие в создании неправительственной организации по вопросам международной безопасности и разоружения — ПИР-Центра, в котором проработал до 2010 г. Занимался и преподавательской работой — в МИФИ и МГИМО, много ездил с лекциями по нашей стране и миру.

Был женат на Нине Петровне Кузнецовой. Она окончила Институт внешней торговли, но почти все время проработала не по полученной специальности, а в системе Главархива — во ВНИИДАДе — Институте документоведения и архивного дела. Последние годы много болела и скончалась в конце 2002 г. Мой

сын Андрей — химик-аналитик, доктор химических наук. Есть две внучки и правнучка.

Добавление. Еще будучи в Вене в конце 80-х — начале 90-х гг. заинтересованно следил за работой Международного института прикладного системного анализа (ИАССА), где наши молодые экономисты разрабатывали реформы 90-х годов. Об этом в Википедии: Под эгидой ИАССА в июле 1990 г. в городе Шопроне (Венгрия) состоялся экономический семинар, на котором присутствовали, с одной стороны, известные западные экономисты (Нордхауз, Дорнбуш и др.), а с другой — почти вся будущая команда реформ (Гайдар, Чубайс, Авен и др.). На этом семинаре обсуждалась программа радикальных реформ: шоковая терапия, либерализация цен, необходимость финансовой стабилизации, максимального сокращения расходов для предотвращения гиперинфляции. Присутствовавший на семинаре Евгений Ясин так описывал итоги дискуссии с западными специалистами: «Тогда уже уверенность в правильности намечаемого пути, который нащупывался и в наших собственных изысканиях, стала полной. Среди специалистов на этот счет уже не было сомнений». В этом семинаре мне довелось участвовать.

В детстве слышал старую еврейскую присказку:

*«Орша, Копысь, Шклов,
Могилев, старый Быхов, Рогачев,
Жлобин, Гомель и Ляды —
Это старинные еврейские города».*

Копысь — место рождения моей матери и (!) нынешнего президента Беларуси Лукашенко.

Я должен быть благодарен судьбе и Господу за то, что родился в своей стране и всю жизнь был защитником ее интересов, верил в ее предназначение, независимо от того, кто ею правил и правит и как организовано ее правление. И еще я доволен, что в моих жилах течет разная кровь. Это позволяет, как мне кажется, более объемно понимать интересы моей страны. Иначе надо мной довлел бы более узкий подход. В этом отношении было очень полезно и то, что я с довольно ранних

лет познакомился с другими странами и с многоликим миром Организации Объединенных Наций.

А если я задам себе такой же вопрос — над чем и ради чего я трудился свою долгую жизнь? Если я и сделал чего-либо полезного, то, думаю, может быть, это было только то, что в какой-то мере способствовал тому, чтобы не было атомной войны. Вот, наверное, и все.

21 октября 2017 г.¹

¹ Дата последней записи.

Приложение

Переписка с Мэтью Банном

В феврале 2014 г. между Мэтью Банном (сыном Джорджа Банна, сотрудником Белферского центра при Гарвардском университете) состоялась следующая переписка по проблемам ядерного нераспространения и гарантий МАГАТЭ. 5 февраля 2014 г. он мне написал:

“A question for you: for more than a year now, Russia has been challenging the whole approach to IAEA safeguards that had been agreed for years (including by Russia) — focused not just on checking declared facilities to see if declared material is missing, but on a state-centered approach, looking at the entirety of the state’s nuclear activities and seeing if there are any indications that there might be something covert going on. At the board meeting a month or two ago, DG Amano presented a report on the topic that Russia and others had demanded, and Russia and others attacked it and demanded a new report, which is now in process.

I would love to get a good understanding of what is driving this new Russian approach. One theory is that it’s just support for Iran and Syria, who have been the recipients of the most intrusive aspects of the state-centered concept (since an overall picture of their programs DID raise questions). Another theory is that because one paper talked about using a similar state-centered way of thinking about the issue for voluntary offer agreements, Russia is concerned that the IAEA will start asking all sorts of questions about Russian nuclear activities — which strikes me as absurd, since the IAEA understands very well that it can only do what powerful members states let it do”.

Ответил ему 7 февраля:

As to state-level approach to safeguards, officials in Moscow, as I understand, don’t like it. They explain that this approach might lead to factual discrimination between “good states” and “suspect states”. They say that state-specific approach is discriminatory and